

Е. И. Галяшина

К. М. Богатырев

Московский государственный юридический

университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

г. Москва, Российская Федерация

Ключевые аспекты дискуссии о законодательном урегулировании буллинга

Резюме. В статье с позиции юридино-лингвистического подхода рассматривается проблематика, связанная с закреплением в законодательстве Российской Федерации единого понятия травли (буллинга), определением субъектного состава и ответственности за совершение данного и иных, способствовавших его совершению деяний. Основная проблема усматривается в попытке внедрения в правовую материю и использования в правоприменительной деятельности заимствованных из других наук специальных неюридических терминов без их соотнесения с имеющимся правовым регулированием и юридической доктриной. Авторы предлагают теоретически обоснованные концептуальные подходы, касающиеся необходимости законодательного закрепления упомянутого единого понятия (но не в качестве обозначения нового состава преступления, а в качестве обобщающего термина), его выбора (предпочтение обоснованно отдается термину «травля»), характеристики существующих юридических составов, предусматривающих ответственность за деяния — отдельные проявления травли. Обосновывается, что предпочтительным направлением законодательного регулирования травли является совершенствование упомянутых составов с учетом системности предусмотренных ими мер ответственности. При юридическом определении травли рекомендуется ориентироваться на уже имеющиеся в законодательстве объемные категории, такие как «экстремистская деятельность». В качестве меры, направленной на превенцию противоправной деятельности (в том числе травли) в образовательных организациях, предлагается введение соответствующего отягчающего наказания обстоятельства.

Ключевые слова: травля; буллинг; кибербуллинг; агрессивное поведение; специально-юридический термин; криминализация травли; правовая коллизия; юридическая ответственность; криминалистика; криминология

Для цитирования: Галяшина Е. И., Богатырев К. М. Ключевые аспекты дискуссии о законодательном урегулировании буллинга. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 83–94. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.083-094

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «Социоправо»).

Key Aspects in the Discussion on Legislative Regulation of Bullying

Elena I. Galyashina

Konstantin M. Bogatyrev

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. From the perspective of a legal and linguistic approach, the paper examines the issues related to the consolidation of a single concept of bullying in the legislation of the Russian Federation, the definition of the parties and responsibility for the commission thereof and other acts that contributed to its commission. The main problem is seen in an attempt to introduce special non-legal terms borrowed from other sciences into the legal field and use them in law enforcement activities without mapping them with the existing legal regulation and legal doctrine. The authors propose theoretically sound conceptual approaches concerning the need for legislative consolidation of the mentioned single concept (but not as a designation of a new corpus delicti, but as a generalizing term), its choice (preference is reasonably given to the term «bullying»), characteristics of existing legal structures providing responsibility for acts—individual manifestations of bullying. It is proved that the preferred direction of legislative regulation of bullying is the improvement of the mentioned structures, taking into account the consistency of the liability measures provided for by them. When defining bullying in a legal way, it is recommended to focus on the voluminous terms already available in the legislation, such as «extremist activity». As a measure aimed at preventing illegal activities (including bullying) in educational institutions, it is proposed to introduce an appropriate aggravating circumstance.

Keywords: harassment; bullying; cyberbullying; aggressive behavior; special legal term; criminalization of bullying; legal conflict; legal responsibility; criminalistics; criminology

Cite as: Galyashina EI, Bogatyrev KM. Key Aspects in the Discussion on Legislative Regulation of Bullying. *Lex Russica*. 2025;78(1):83-94. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.083-094

Acknowledgements. The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Введение

Одним из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности России являются выявления и предотвращения угроз безопасности детей как категории населения, наиболее нуждающейся в защите. Данная потребность обусловлена, с одной стороны, их возрастом, подразумевающим меньшую степень самостоятельности, осведомленности и жизненного опыта, с другой — той определяющей ролью, которую они играют для будущего страны. В связи с этим в России реализуется комплекс мер, направленных на консолидацию усилий по устранению угроз жизни и здоровью детей, их духовному, нравственному и физическому развитию. В частности, 2018–2027 годы объявлены Десятилетием детства, а Указом Президента РФ от 17.05.2023 № 358 принята Стратегия комплексной безопасности детей в Российской Фе-

дерации на период до 2030 года. Хотя в последней и отмечаются положительные изменения по многим ключевым направлениям, говорить об успешном решении большей части существующих проблем преждевременно.

Ряд ученых отмечают наличие тенденции к распространению насилия в молодежной среде, увеличению его масштабов (что особенно заметно на примере общеобразовательных организаций)¹. Одним из проявлений данной проблемы представляется травля, являющаяся прямым нарушением ст. 21 Конституции РФ (достоинство личности охраняется государством; ничто не может быть основанием для его умаления; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию). Это явление (жестокое и унижающее человеческое достоинство обращение) широко распространено в среде несовершеннолетних

¹ См., например: Волчецкая Т. С., Козырева И. Е., Осипова Е. В. Криминалистические и психологические особенности проявления насилия в общеобразовательных школах // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 4. С. 11–17.

(в первую очередь в образовательных организациях²) и может приводить к плачевным результатам — вплоть до самоубийств жертв (составляющих около 8 % от общего числа детских смертей) или, напротив, их нападения на обидчиков с использованием оружия (так называемых скулшутингов)³. В этой связи неудивительно, что профилактика травли и агрессивного поведения детей является одной из основных задач, предусмотренных пунктом 31 Стратегии.

Вместе с тем следует отметить, что жертвами такого рода деяний могут быть не только дети, но люди любого возраста (в том числе из-за своей беспомощности или инвалидности). В целом систематическое агрессивное поведение группы в отношении одного либо нескольких лиц является социально порицаемым и не соответствует не только букве и духу закона, но и традиционным российским духовно-нравственным ценностям, таким как (в числе прочих) достоинство, права и свободы человека, высокие нравственные идеалы, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение⁴. В той или иной форме подобное поведение критикуется с позиций всех религий, являющихся неотъемлемой частью российского духовного наследия; в частности, в православии, которому принадлежит особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей, уделяется пристальное внимание защите слабых и уязвимых (в том числе детей) от жестокости и несправедливости.

Обсуждая вопросы криминализации общественно порицаемых деяний (в том числе травли), недопустимо сосредотачивать внимание только на морально-этической проблематике в ущерб правовому анализу; вместе с тем этот компонент всё же должен быть надлежащим

образом учтен, как как он формирует сами предпосылки для конструирования новых уголовно-правовых запретов, принимаемых с целью защиты общества и его духовно-нравственных основ от разрушительного воздействия⁵.

Методология и методы исследования

Исследование носит комплексный характер, осуществляется в рамках юриди́ко-лингвистического подхода. Ввиду методологического плюрализма в качестве основы исследования принята философская методология позитивизма и постпозитивизма, как более проработанная и актуальная, с использованием по мере надобности общепринятого в криминалистической науке диалектического метода.

Методологическую основу настоящего исследования, осуществляемого в рамках постпозитивистской научной парадигмы, составляют аналитическая философская традиция наряду со всеобщим диалектическим методом и логическими приемами (анализ, синтез, индукция, дедукция и др.); общенаучные (описание, сравнение, абстрагирование, систематизация, формализация и др.), а также частнонаучные методы (формально-догматический, сравнительно-правовой, лингвистический, семантический, контент-анализ и др.).

Предложение о законодательном урегулировании буллинга

На федеральном уровне данная проблема широко обсуждается на площадке Государственной Думы Федерального Собрания РФ⁶.

² См.: Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90 ; Иванюшина В. А., Ходоренко Д. К., Александров Д. А. Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размера и типа школы // Вопросы образования. 2021. № 4. С. 220–242.

³ См.: Кочои С. М., Трапаидзе К. З. Вооруженные нападения и убийства в образовательных организациях: уголовно-правовая и криминологическая оценка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13. № 4. С. 919.

⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁵ См.: Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1 (194). С. 110–125.

⁶ Вячеслав Володин поручил профильным комитетам подготовить меры для предотвращения трагедий в школах // URL: <http://duma.gov.ru/news/58465/> (дата обращения: 29.01.2024).

Выдвигаются предложения по дополнительно-му законодательному урегулированию данной проблемы и формулированию связанных с этим концептуальных подходов: в частности, предлагается закрепить в законодательстве Российской Федерации единое понятие, обозначающее травлю («систематическое психологическое и/или физическое агрессивное поведение группы лиц или одного лица в отношении другого лица или лиц, осуществляемое в том числе с использованием электронных средств коммуникации»⁷), определить его субъектный состав и ответственность за совершение данного и иных деяний, способствовавших его совершению, в том числе в образовательных организациях и информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Следует отметить, что обсуждение подобных законодательных предложений на федеральном уровне осуществляется как минимум с 2022 г.⁸; в текущей версии законопроекта, предполагающегося ко внесению и рассмотрению в ходе весенней сессии работы парламента, особое внимание уделяется повышению правовой определенности относительно возможных мер юридической ответственности и индивидуальной профилактической работы в отношении лиц, осуществляющих травлю⁹.

Обсуждение предложений по введению юридической ответственности за травлю и связанные с ней действия (в частности, ее сокрытие) ведется не только на федеральном уровне, но и на уровне парламентов регионов; например, на прошедшем в Курултае Башкирии заседании рабочей группы по вопросам про-

филактики и противодействия буллингу среди школьников особое внимание было обращено на множественность негативных последствий таких действий — не только для обучающихся, но и для преподавателей (которые также могут подвергаться травле со стороны обучающихся ввиду наличия у последних чувства безнаказанности)¹⁰.

Травля упоминается и в контексте иных законопроектов, рассматриваемых Государственной Думой (например, при обсуждении запрета на использование телефонов в школе)¹¹.

Длительный и тяжелый процесс подготовки законопроекта обусловлен комплексностью предмета правового регулирования, влекущей сложности в выборе оптимальных правовых средств и мер юридической ответственности. На наш взгляд, из отсутствия закрепленного в законодательстве специально-юридического термина для обозначения обсуждаемой проблемы не следует с необходимостью потребность во введении новых правовых составов, предусматривающих юридическую ответственность. Вместе с тем закрепление термина «травля» представляется желательным (с учетом изложенных нами далее аргументов).

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта

Общим местом как публичных дискуссий, так и научных исследований, посвященных проблематике травли (в том числе в молодежной среде), является указание на ее глобальный харак-

⁷ Законопроект о буллинге в школе обсудят на парламентских слушаниях до конца года // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/12/08/1009960-zakonoproekt-o-bullinge-v-shkole-obsudyat-na-parlamentskih-slushaniyah> (дата обращения: 29.01.2024).

⁸ В Госдуме подготовлен законопроект о борьбе с травлей детей в школах // URL: <https://rg.ru/2022/10/12/v-gosdume-podgotovlen-zakonoproekt-o-borbe-s-travlej-detej-v-shkolah.html> (дата обращения: 19.06.2024) ; Законопроект о буллинге внесут в Госдуму на следующей неделе // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/10/14/945470-zakonoproekt-o-bullinge-vnesut-v-gosdumu> (дата обращения: 19.06.2024).

⁹ Артем Метелев: Безделье — главная причина преступлений // URL: <https://www.pnp.ru/politics/artem-metelev-bezdele-glavnaya-prichina-prestupleniy.html> (дата обращения: 19.06.2024) ; В Думе готовят законопроекты по профилактике подростковой травли // URL: <https://www.interfax.ru/russia/952941> (дата обращения: 19.06.2024).

¹⁰ Буллинг и думы // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6352808> (дата обращения: 19.06.2024).

¹¹ Стенограмма заседания от 16.11.2023 по вопросу о проекте федерального закона № 470837-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» (о совершенствовании взаимодействия участников образовательного процесса) // URL: cir.duma.gov.ru/duma/document/text/?doc_id=422220&QueryID=17631&HighlightQuery=17631&query_target=news (дата обращения: 29.01.2024).

тер, широкую распространенность в различных обществах. Формы, средства и способы осуществления травли могут различаться от страны к стране (исходя из конкретных культурных, экономических и политических реалий), однако сущность данного явления не претерпевает сколь-либо значительных изменений. По этой причине зарубежное правовое регулирование данной проблемы может представлять интерес в части возможного заимствования удачных практик с поправкой на различия правовых систем и с учетом уже имеющихся в России нормативных актов. Например, в США, где жертвой буллинга становится примерно каждый четвертый ребенок¹², в отсутствие федерального акта в каждом штате есть свой нормативный акт по противодействию данному негативному явлению¹³ (разделение законодательства, в том числе и уголовного, на федеральный уровень и уровень штатов, с одной стороны, приводит к несовпадениям и противоречиям в подходах и формулировках, с другой же — позволяет прийти к оптимальному варианту за счет проработки большего количества возможных вариантов правового регулирования, учтя при этом интересы жителей конкретной территории). При отсутствии единого подхода такой вариант всё же для данной страны оптимален, т.к. в существенных положениях данные акты по большей части соотносимы друг с другом, а само по себе явление хотя и характеризуется общественной опасностью, но всё же не в той степени, которая бы обуславливала необходимость принятия федерального акта (в отличие, например, от преступлений на почве ненависти, с которыми буллинг может пересекаться).

Специальные законы, запрещающие издевательства среди обучающихся и раскры-

вающие понятие «буллинг», приняты в таких странах, как Швеция, Япония, Республика Молдова¹⁴. Интересно отметить, что в Великобритании положения принятого Закона о борьбе с буллингом в школах (*Addressing Bullying in Schools Act (Northern Ireland)*) распространяются только на Северную Ирландию, в то время как для других частей Соединенного Королевства предусматриваются только подзаконные нормативные акты (рекомендации Департамента образования)¹⁵.

Особый интерес в контексте рассматриваемой темы представляет опыт Франции, где недавно была введена уголовная ответственность за буллинг¹⁶. Санкции, предусмотренные за такого рода действия (до трех лет лишения свободы и штраф до 45 тыс. евро, а в случае тяжких последствий в виде суицида жертвы или его попытки — до десяти лет лишения свободы и штраф до 150 тыс. евро), делают Францию страной с самым суровым наказанием за буллинг в мире¹⁷. Вместе с тем строгость принятого закона не стала залогом полного и эффективного решения данной проблемы, и потребность в совершенствовании подходов к ней по-прежнему сохраняется¹⁸.

Анализ зарубежного опыта позволяет заключить, что, несмотря на принятие законодательных мер (в том числе связанных с закреплением обозначающего травлю термина или даже санкций за ее осуществление) ключевую роль в противодействии буллингу играют принятие подзаконных актов (в том числе стратегического характера) и организация системной профилактической деятельности (например, в таких странах, как Великобритания, Норвегия, Финляндия, подобным мерам в сравнении с законодательными отдается предпочтение).

¹² См.: *Albertson A. K. Criminalizing bullying: why Indiana should hold the bully responsible* // *Indiana Law Review*. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 243.

¹³ Голованова Н. А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение // *Журнал российского права*. 2018. № 8 (260). С. 116.

¹⁴ Как в разных странах мира борются со школьным буллингом // URL: <https://standard.kz/ru/post/kak-v-raznykh-stranakh-mira-boriutsia-so-skolnym-bullingom-359> (дата обращения: 19.06.2024).

¹⁵ Голованова Н. А. Указ. соч. С. 119.

¹⁶ *New French law criminalises school and university bullying* // URL: <https://www.coe.int/en/web/cyberviolence/-/new-french-law-criminalizes-school-and-university-bullying> (дата обращения: 19.06.2024).

¹⁷ *School bullies to face jail under law approved by French MPs* // URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/dec/02/school-bullies-face-up-to-10-years-jail-under-law-approved-by-french-mps> (дата обращения: 19.06.2024).

¹⁸ *French PM Borne unveils «uncompromising» strategy to combat bullying in schools* // URL: <https://www.france24.com/en/france/20230927-france-pm-borne-unveils-uncompromising-strategy-combat-bullying-schools-cyber-harassment> (дата обращения: 19.06.2024).

**Терминологический аспект
криминализации буллинга**

Предложение закрепить в законодательстве Российской Федерации единое понятие травли (агрессивного поведения) подразумевает необходимость его рассмотрения с позиций юридической науки — как правовой категории, используемой при конструировании нормативных правовых актов. Если же анализировать данное понятие не как правовую категорию, а как категорию иного рода (например, этическую, культурологическую, политологическую и т.д.), то это существенно осложнит (если не сделает невозможным) эффективное и конструктивное осуществление законодательной и правоприменительной деятельности. Например, в Методических рекомендациях для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по профилактике буллинга (травли) среди обучающихся¹⁹ (далее — Методические рекомендации) понятие «травля (буллинг)» (агрессивное поведение лиц) в широком смысле определяется как систематическое злоупотребление силой, т.е. повторяющаяся агрессия по отношению к определенному субъекту, включающая в себя принуждение и запугивание.

Отличительными чертами языка права, обусловленными спецификой поля его применения, являются краткость, концентрированность, однозначность и доступность для понимания; в силу этого необходимо избегать использования метафор, аллегорий, архаизмов, жаргонизмов, заимствованных иностранных слов (поэтому, в частности, не следует закреплять в качестве термина слово «буллинг»), а также любых средств выразительности. Соответственно, юридический язык характеризуется терминологической строгостью, единством и стабильностью используемых терминов, адекватным выражением в терминах воли законодателя, общепризнанностью используемых терминов и юридических понятий и т.д. Всё это необходимо для того, чтобы исключить возможность нетолкования, сделать норму права определенной, ясной, единообразной для применения.

При этом используемые в рамках понятийно-категориального аппарата юридической науки термины также различают по характеру и сфере употребления. Среди них можно выделить следующие виды:

— *общеупотребительные термины*, которые обозначают принятые в литературном языке категории (например, «жилище», «семья», «жизнь», «родители и дети» и др.);

— *специально-юридические термины*, используемые для обозначения юридических понятий (например — «истец», «ответчик», «правонарушение»);

— *специальные неюридические термины* или *специально-технические термины* (заимствованные из других наук и областей человеческой деятельности).

Представляется, что предложенные в Методических рекомендациях для обозначения рассматриваемого явления синонимичные термины («травля», «агрессивное поведение лиц», «буллинг») относятся к последней категории, являясь частью терминологического аппарата таких наук, как психология, педагогика, социология. Как указано выше, последнее обозначение («буллинг») не обладает свойством однозначности номинации, а потому не может быть введено в законодательство в качестве юридического термина. Кроме того, согласно ч. 6 ст. 1 Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»²⁰ иностранные слова не должны использоваться при наличии общеупотребительных аналогов в русском языке. Очевидно, что таким общеупотребительным аналогом выступает слово «травля», в связи с чем англицизм «буллинг» не используется в законодательных инициативах.

Доводы в пользу того, что слово «буллинг», использующееся для обозначения обсуждаемого феномена, якобы не имеет общеупотребительных аналогов в русском языке, следует признать несостоятельными. В качестве одного из аргументов иногда приводится указание на многозначность слова «травля» (существительного, производного от глагола «травить»), являющегося общеупотребительным русскоязычным аналогом «буллинга», но соответству-

¹⁹ Письмо Минобрнауки России от 13.12.2022 № МН-6/1873 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с Методическими рекомендациями для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по профилактике буллинга (травли) среди обучающихся. Методическое пособие) // Вестник образования России. 2023. № 4. Февраль.

²⁰ СЗ РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.

ющего ему лишь в одном переносном значении («изводить, мучить нападками, преследованиями»²¹). Следует отметить, что при любом переводе (в том числе при внедрении переводных терминов) ставится задача не найти такое же слово (точный аналог) в другом языке, а максимально полно и корректно передать его смысл (поэтому перевод — это производное произведение); хорошей иллюстрацией этого тезиса является термин «hate speech» (переводимый не буквально, как «речь ненависти», а по смысловому содержанию — как «язык вражды»).

Кроме того, обычные слова и юридические термины не вполне сопоставимы; последние при введении в оборот получают точное определение именно с юридических позиций, в связи с чем недопустимо оценивать их по общим правилам литературного языка (присутствующие в словарях значения не будут для юридического термина актуальными). В этой связи отсутствие полного соответствия семантики слов «травля» и «буллинг» не является надлежащим основанием для утверждения о том, что последний предпочтителен для использования в качестве юридического термина (даже при его надлежащем законодательном определении). Таким образом, в качестве юридического термина для обозначения феномена жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения с незащищенным или беспомощным лицом, в том числе ребенком, более подходящим является слово «травля» (на что указывает его присутствие в Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года).

Содержание третьего понятия, «агрессивное поведение» (в котором слово «лиц», используемое в Методических рекомендациях для указания субъекта действия, является излишним), представляется более широким, нежели рассматриваемое явление, включающим множество разнородных (являющихся противоправ-

ными либо относящихся к антиобщественному поведению) действий. В связи с этим оно может использоваться только как родовое по отношению к обсуждаемому законодателем единому понятию травли как особой разновидности агрессивного поведения.

В связи с этим первое из рассматриваемых предложений законодателей является корректным в части предложенной терминологии. Вместе с тем лингвистический аспект важный, но не единственный: куда существеннее юридическая сторона вопроса — тот эффект, который будет иметь введение данного термина в юридический оборот как правового деяния, влекущего необходимость определения субъектного состава и ответственности за его совершение.

Целесообразность введения нового юридического термина

В юридической науке вопрос о необходимости законодательного закрепления единого понятия и ответственности за травлю, в том числе осуществляемую в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, является дискуссионным: исследователи выступают как за²², так и против такого решения²³ (хотя все без исключения авторы из числа тех, чьи работы были нами изучены, отмечают актуальность и распространенность данной проблемы). Вторая позиция представляется более обоснованной по следующим причинам.

«Травля» («буллинг») — это описательное обозначение, включающее в себя довольно широкий перечень различных проявлений психологического и физического насилия, на систематической основе осуществляемого непосредственно либо опосредованно в отношении потерпевшего отдельным лицом или группой лиц. Отмечается негативное влияние данного явления как на жертву, так и на самих обидчи-

²¹ См.: Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000.

²² См., например: Авдалян А. Я., Никонович С. Л., Магомедов Ф. Б. О правовом регулировании буллинга в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2019. № 8 (176). С. 116–118 ; Бочкарева Е. В., Стренин Д. А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 91–97 ; Романов А. А., Левашова А. В., Сиденко К. О., Михайлова Е. А. Сущность буллинга как социально-правового явления // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1А. С. 98–106.

²³ См., например: Курбенков В. А., Новосельцев А. Ю. Буллинг в российских школах: правовые проблемы профилактики // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 95–102 ; Беднягина Ю. А. Буллинг: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 282–283.

ков (в частности, указывается высокая вероятность их дальнейшей криминализации). Это объединение в значительной степени условно и с юридической точки зрения неоправданно (хотя с этической, психологической, социологической, культурологической позиций вполне допустимо).

В публикациях ученых, выступающих за введение обозначающего травлю термина в юридический оборот, большее внимание уделено рассмотрению актуальности (частоты встречаемости и степени общественной опасности данного явления) и специально-теоретических вопросов, но никак не анализу этих терминов с юридических позиций (в частности, того, как урегулированы такие действия, как они могут быть квалифицированы). В тех же случаях, когда проблема рассматривается в строго юридическом контексте, исследователи приходят к выводу об урегулированности спорных общественных отношений и отсутствии необходимости в закреплении дополнительных терминов; так, отмечается, что «буллинг — это не правовое понятие, однако если опираться на исследования психологов и социологов, которые относят к буллингу такие действия, как унижения, физическое насилие, распространение ложной информации о жертве буллинга и другие, то, проанализировав российскую нормативную базу, приходим к выводу о том, что буллинг — это комплексное явление, охватывающее несколько отраслей права — гражданское, административное, уголовное»²⁴.

В Методических рекомендациях дается указание на широкий перечень действий, подразумевающих физическое или психологическое насилие над личностью: к первой категории относятся толчки, удары, пинки, побои, нанесение телесных повреждений, действия сексуального характера и др., ко второй — оскорбления, угрозы, преследование, запугивание, изоляция, вымогательство денег и ценных вещей, действия с имуществом жертвы (намеренное повреждение, воровство, грабеж). Данный комплекс действий, обозначаемых термином «травля», имеет сходный механизм, но дифференцированную уголовно- и административно-правовую характеристику.

Отдельно следует остановиться на термине «кибербуллинг»; он обозначает то же явление — совокупность различных агрессивных действий, однако совершаемых посредством цифровой электроники через информационно-телекоммуникационные сети²⁵. С точки зрения терминологической корректности к вышеприведенным проблемам добавляются вопросы, возникающие в связи с использованием компонента «кибер»: призванный указать на техническую сторону совершаемых действий, он не вполне адекватно отражает реальный механизм действий, заключающийся в компьютерно-опосредованной коммуникации (как чисто речевой, так и поликодовой). Особенности рассматриваемой разновидности данного явления подразумевают невозможность физического контакта, что предполагает реализацию агрессии преимущественно в речевой форме, однако в таком случае возникает вопрос, есть ли смысл объединять различные речевые действия (ответственность за которые уже и так предусмотрена в законе) под новым термином. Практической пользы в такого рода решении не усматривается. Кроме того, лишенное необходимости создание новых сущностей приводит к дальнейшей неопределенности: активное использование калькированного термина «кибербуллинг» повлекло за собой его вольный перевод — новый термин «киберзапугивание»²⁶, не только не охватывающий всю совокупность действий, охватываемых исходным термином (например, оскорбление и клевета), но и характеризующийся высокой степенью оценочности.

Квалификация травли по действующему законодательству

Хотя определения такого правонарушения, как травля (буллинг), законодательство Российской Федерации не содержит, имеющееся в настоящее время обширное правовое регулирование предусматривает ответственность практически за все (каждое) из этих проявлений по отдельности. С уголовно- и административно-правовыми мерами ответственности могут сочетаться меры гражданско-правовые (т.к. существующая

²⁴ Беднягина Ю. А. Указ. соч. С. 283.

²⁵ См.: Копылова О. П., Медведева С. В., Калашникова Ю. В. Кибербуллинг в современных условиях: возможности правового регулирования // Право: история и современность. 2021. № 1 (14). С. 97–103.

²⁶ Левашова О. В., Сотников И. Л. Кибербуллинг в современном интернет-пространстве // Закон и право. 2022. № 11. С. 176.

система правовых мер предусматривает различные способы защиты и восстановления нарушенного права). Те деяния, которые имеют место, будут квалифицироваться по тем или иным существующим составам (возможно — по их совокупности). Предусмотрены следующие меры ответственности в зависимости от характера совершенных действий, составляющих объективную сторону травли (агрессивного поведения):

— административные (ст. 5.61, 5.61.1, 5.62, 7.17, 20.1, 20.3.1 КоАП РФ);

— уголовные (ст. 110–110.1, 115–117, 119, 128.1, 131–133, 137–138, 148, 213, 282 УК РФ);

— а также гражданско-правовые (ст. 150–152.1, гл. 59 ГК РФ).

В литературе со ссылками на зарубежный опыт рассматриваются два основных подхода к профилактике и борьбе с травлей (буллингом): принятие локальных либо законодательных нормативных актов (при этом последним, как позволяющим более тщательно и единообразно проработать проблему, отдается предпочтение)²⁷. Возможны следующие варианты правового регулирования противодействия травле: введение новых административных и/или уголовных статей либо совершенствование уже имеющегося правового регулирования.

Возможные направления совершенствования юридической ответственности за травлю

Встает вопрос о желательности и обоснованности первого варианта (принять новый закон, ввести новый термин — это простое решение, которое может разбалансировать существующую систему юридических составов, серьезно осложнить правоприменение по ним). Введение новых статей, предусматривающих юридическую ответственность за весь комплекс деяний, обозначаемых термином «травля», вероятнее всего, приведет к проблемам в их разграничении при квалификации совершенных деяний.

Представляется, что второе направление (совершенствование ответственности за отдельные действия, совокупно обозначаемые термином «травля») всё же более перспективное. Это

могут быть точечные поправки, предусматривающие квалифицирующие признаки для уже закрепленных в законе юридических составов. При этом рекомендуется дать в нормативном акте (это может быть уже имеющийся или новый закон либо подзаконный правовой акт, в том числе акт стратегического планирования) юридический термин «травля» и его развернутое толкование, что позволит обеспечить единство его понимания и выстроить непротиворечивую систему эффективных профилактических мер. Следует помнить, что данное понятие (ввиду множественности конкретных его проявлений) может быть громоздким либо не в полной мере отражающим обозначаемое явление; в связи с этим при его закреплении следует уделить особое внимание вопросу юридической техники, ориентируясь на уже имеющиеся в законодательстве объемные категории (хороший пример — понятие «экстремистская деятельность», закрепленное в соответствующем Законе).

Несмотря на то что некоторый интерес вызывают предложения о совершенствовании понятия хулиганства²⁸, следует заключить, что они не совсем корректны в свете правовой позиции Верховного Суда РФ (следует ограничивать хулиганство от других преступлений, в том числе совершенных лицом из хулиганских побуждений, в зависимости от содержания и направленности его умысла, мотива, цели и обстоятельств совершенных им действий; под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода)²⁹.

Кроме того, нельзя согласиться с тем, что уголовно-правовые признаки травли (буллинга) полностью охватываются данным составом (т.к. личные неприязненные отношения и хулиганские побуждения зачастую являются взаимноисключающими), а сам термин «хулиганство» следует рассматривать как некорректный с юридической точки зрения перевод термина «буллинг». В этой связи лучшие перспективы

²⁷ См.: Голованова Н. А. Указ. соч. С. 113–123.

²⁸ См.: Курбенков В. А., Новосельцев А. Ю. Указ. соч. С. 95–102.

²⁹ П. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1. Январь.

могут усматриваться в оптимизации состава преступления, закрепленного статьей 117 УК РФ и предусматривающего ответственность за истязание.

Вариант с введением дополнительногоотягчающего обстоятельства, аналогичный принятому в законопроекте № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть “Интернет”))», представляется неприменимым, т.к. связанные с осуществлением травли обстоятельства уже закреплены в таком качестве (п. 3, 4 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ; п. «в», «е», «ж-и», «п», в дальнейшем — также п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Вместе с тем в качестве дополнительной меры, направленной на противодействие совершению противоправных действий (в том числе различных проявлений травли) в образовательных организациях, можно предусмотреть новое отягчающее обстоятельство — совершение административного правонарушения либо преступления в образовательной организации (в связи с тем, что это противоречит единым целям обучения и воспитания).

Заключение

Таким образом, термин «травля» представляется более удачным для юридического описания анализируемого явления, но не в качестве обозначения для нового состава преступления (введение которого может привести к правовым коллизиям), а в качестве обобщающего обозначения (номинации), характеризующего совокупность вышеперечисленных противоправных действий. Ответственность за такие действия, широко распространенные и характеризующиеся общественной опасностью, уже установлена действующим законодательством. Для эффективного противодействия травле на юридическом уровне в случае необходимости возможны точечное совершенствование и актуализация правовых составов, предусматривающих ответственность за отдельные проявления травли (при внесении любых изменений следует анализировать их эффект для всей системы соответствующих правовых норм).

Противодействие такому нежелательному явлению, как травля, является комплексным, должно строиться на эффективном сочетании запретительно-ограничительных мер и мер воспитательных, направленных на формирование высоконравственной культурной личности и обеспечение нулевой терпимости общества к агрессивному физическому и психологическому насилию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдалян А. Я., Никонович С. Л., Магомедов Ф. Б. О правовом регулировании буллинга в Российской Федерации // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 8 (176). С. 116–118.
- Беднягина Ю. А. Буллинг: уголовно-правовой и криминологический аспекты // *Евразийский юридический журнал*. 2022. № 10 (173). С. 282–283.
- Бочкарева Е. В., Стренин Д. А. Теоретико-правовые аспекты кибербуллинга // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 1. С. 91–97.
- Волчецкая Т. С., Козырева И. Е., Осипова Е. В. Криминалистические и психологические особенности проявления насилия в общеобразовательных школах // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2022. № 4. С. 11–17.
- Голованова Н. А. Проблемы борьбы с буллингом: законодательное решение // *Журнал российского права*. 2018. № 8 (260). С. 113–123.
- Иванюшина В. А., Ходоренко Д. К., Александров Д. А. Распространенность буллинга: возрастные и гендерные различия, значимость размера и типа школы // *Вопросы образования*. 2021. № 4. С. 220–242.
- Копылова О. П., Медведева С. В., Калашникова Ю. В. Кибербуллинг в современных условиях: возможности правового регулирования // *Право: история и современность*. 2021. № 1 (14). С. 97–103.
- Кочои С. М., Трапаидзе К. З. Вооруженные нападения и убийства в образовательных организациях: уголовно-правовая и криминологическая оценка // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2022. Т. 13. № 4. С. 910–926.

- Курбенков В. А., Новосельцев А. Ю. Буллинг в российских школах: правовые проблемы профилактики // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 95–102.
- Левашова О. В., Сотников И. Л. Кибербуллинг в современном интернет-пространстве // Закон и право. 2022. № 11. С. 175–177.
- Новикова М. А., Реан А. А., Коновалов И. А. Буллинг в российских школах: опыт диагностики распространенности, половозрастных особенностей и связи со школьным климатом // Вопросы образования. 2021. № 3. С. 62–90.
- Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. 2023. Т. 76. № 1 (194). С. 110–125.
- Романов А. А., Левашова А. В., Сиденко К. О., Михайлова Е. А. Сущность буллинга как социально-правового явления // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 1А. С. 98–106.
- Albertson A. K. Criminalizing bullying: why Indiana should hold the bully responsible // Indiana Law Review. 2014. Vol. 48. No. 1. P. 243–271.

REFERENCES

- Albertson AK. Criminalizing bullying: Why Indiana should hold the bully responsible. *Indiana law review*. 2014;48(1):243-271.
- Avdalyan AY, Nikonovich SL, Magomedov FB. On the legal regulation of bullying in the Russian Federation. *Agrarnoe i zemelnoe pravo*. 2019;8(176):116-118. (In Russ.).
- Bednyagina YuA. Bullying: Criminal law and criminological aspects. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2022;10(173):282-283. (In Russ.).
- Bochkareva EV, Strenin DA. Theoretical and legal aspects of cyberbullying. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2021;15(1):91-97. (In Russ.).
- Golovanova NA. Problems of combating bullying: A legislative solution. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2018;8(260):113-123. (In Russ.).
- Ivanyushina VA, Khodorenko DK, Aleksandrov DA. The prevalence of bullying: Age and gender differences, the importance of the size and type of school. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*. 2021;4:220-242. (In Russ.).
- Kochoi SM, Trapaidze KZ. Armed attacks and murders in educational institutions: Criminal law and criminological assessment. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo [Vestnik of Saint Petersburg University. Law]*. 2022;13(4):910-926. (In Russ.).
- Kopylova OP, Medvedeva SV, Kalashnikova YuV. Cyberbullying in modern conditions: Possibilities of legal regulation. *Pravo: istoriya i sovremennost*. 2021;1(14):97-103. (In Russ.).
- Kurbenkov VA, Novoseltsev AY. Bullying in Russian schools: Legal problems of prevention. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;3:95-102. (In Russ.).
- Levashova OV, Sotnikov IL. Cyberbullying in the modern Internet space. *Zakon i pravo [Law and Legislation]*. 2022;11:175-177. (In Russ.).
- Novikova MA, Rean AA, Konovalov IA. Bullying in Russian schools: The experience of diagnosing the prevalence, gender and age characteristics and the relationship with the school climate. *Voprosy obrazovaniya [Educational Studies]*. 2021;3:62-90. (In Russ.).
- Pudovochkin YuE, Babaev MM. Modern rule-making as the basis for the formation of a new theory of criminalization. *Lex russica*. 2023;76(1):110-125. (In Russ.).
- Romanov AA, Levashova AV, Sidenko KO, Mikhailova EA. The essence of bullying as a socio-legal phenomenon. *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava [Matters of Russian and International Law]*. 2021;11(1A):98-106. (In Russ.).
- Volchetskaya TS, Kozyreva IE, Osipova EV. Criminalistic and psychological features of violence in secondary schools. *Izvestiya Tulsogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki [Proceedings of the TSU. Economic and Legal Sciences]*. 2022;4:11-17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Галышина Елена Игоревна, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
eigalyashina@gmail.com

Богатырев Константин Михайлович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
kbog@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena I. Galyashina, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philology), Professor, Head of the Department of Criminology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
eigalyashina@gmail.com

Konstantin M. Bogatyrev, Cand. Sci. (Law), Lecturer, Department of Criminology, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
kbog@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 22 июня 2024 г.

Статья получена после рецензирования 7 июля 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 22.06.2024.

Revised 07.07.2024.

Accepted 15.12.2024.